

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНО-ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА ДЛЯ МЕДИКОВ И МЕДИЦИНЫ (К 135 летию со дня рождения)

Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

*«... Историки культуры вправе отнести
М.А. Волошина к числу самых выдающихся гуманистов нашего века,
таких, как Владимир Короленко, Альберт Швейцер, Ромен Ролан,
Томас Манн, Бернард Шоу. Он был бесстрашен в выражении правды,
стойк в жизненной борьбе, непреклонен в своей
вере в человека и культуру».*

Лев Озеров

«Максимилиан Волошин, увиденный его современниками»

Неустанные фундаментально-исследовательские и прикладные художественно-публицистические изыскания первых десятилетий XX столетия (особенно 1900-1910-х годов) были, как свидетельствуют дошедшие до нашего времени многочисленные документальные источники, весьма концентрированными, чрезвычайно насыщенными и выражались в необычайно пёстрой, сложной и яркой картине «полифонического» развития мировой культуры нового времени.

Великое многообразие разносторонних подходов, высокая энергия широчайших бескомпромиссных поисков, «скрещивание» стилевых и жанровых установок, огромный диапазон и яркая красочная палитра многочисленных синтетических форм, способных адекватно отразить тогдашнюю современную действительность, навсегда останутся в науковедении и культурологии. На формирование универсальной философской картины окружающего мира в XX веке, последовательное развитие гуманистических основ концепции человеческой личности и поэтику неореализма в многогранном творчестве учёных, писателей, представителей искусства ключевое влияние оказали особенности художественного сознания символизма и последовавшей затем постсимволистской эпохи [12, 14, 16, 17, 21]. Одним из самых заметных и плодотворных представителей этого исторического периода и распространённого направления в искусстве стал Максимилиан Волошин, оставшийся в памяти человечества как яркий поэт, замечательный переводчик, талантливый художник, бесподобный эссеист, оригинальный искусствовед и культуролог, выдающийся мыслитель.

Хорошо известно, что природы, столь могуче и щедро одарённые всевозможными разнообразными талантами, встречаются довольно редко. И ещё гораздо реже в истории науки и культуры можно видеть людей, обладающих, помимо природных талантов и неординарных способностей, ещё и уникальным душевным складом, ценность коего не менее значима, чем богатое наследие их интеллектуального творчества. Именно такой представляется творческая био-

графия Максимилиана Волошина, – притягательной, могуче одарённой личности с её несгибаемой гуманистической духовной позицией, которая чрезвычайно нечаста в реальной жизни, ибо позиция эта не для славы, не для похвал и наград, не для «медных труб»; истово служит она не верхушке власть предержащих, не правительствам, партиям и не тем или иным минутным политическим течениям и движениям. Подобный выбор неординарной личности практически никогда целиком и полностью не разделяется её современниками, нелёгкий выбор этот ориентируется прежде всего на собственную совесть и, понимаемую как большую ответственность, свободу личности. Поистине многотрудная и полная испытаний, но исключительно счастливая судьба была уготована герою нашего повествования; на грандиозном вкладе М.А. Волошина в мировую науку, культуру, художественное творчество мы остановимся в этой статье подробнее.

Незаурядная личность Максимилиана Александровича Волошина, удивительно точно предсказавшего в своих провидческих стихах нелёгкую судьбу XX столетия, выдающегося художника, оригинального мыслителя, талантливого переводчика, эссеиста, искусствоведа и культуролога продолжает привлекать и в XXI веке всех тех, кого многократно обогащает встреча с теми или иными произведениями из его гениального творческого наследия.

Поэтесса Марина Цветаева (1892-1941), прекрасно знавшая Волошина, так сказала о нём однажды: «Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него в каком – то другом, большом круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знаем. У него была тайна... Это знали все, этой тайны не узнал никто» [10].

В настоящей работе авторы попытаются приоткрыть краешек этой волошинской тайны, обратив особое внимание читателя на истоки биоэнергетического потенциала этого чрезвычайно креативного человека, полифонической личности, его нравственно – энергетическую и культурологическую основу.

Для решения этой заявленной цели статьи нам пришлось побывать в Доме – музее М.А. Волошина в Коктебеле, познакомиться с его экспонатами, проработать материалы статей и докладов нескольких Международных научно – практических конференций, известных под названием «Волошинские чтения», изучить материалы воспоминаний современников поэта, его земляков и сподвижников, коих у героя нашей статьи было великое – превеликое множество.

В нескольких автобиографических волошинских заметках («По семилетью», «О самом себе» и др.), а также в прекрасно составленной В.П. Купченко «Хронологической канве жизни и творчества М.А. Волошина» [9] упоминается, что родился Максимилиан Волошин 16 мая 1877 года в Киеве в семье члена киевской палаты уголовного и гражданского суда Александра Максимовича Кириенко-Волошина и его жены Елены Оттобальдовны, урождённой Глазер. Своей родословной М.А. Волошину пришлось как-то довольно подробно заниматься, отвечая на вопросы родственников своей невесты Маргариты Сабашниковой, которой он писал в феврале 1906 года: «Отец мой... был сперва мировым посредником, а потом членом суда в Киеве. У деда было большое имение в Киевской губернии... Сам я значусь в паспорте «сыном коллежского советника» и больше никакими бумагами, ни родовыми документами не обладаю» [13]. Известно, что отец М.А. Волошина – Александр Максимович Кириенко-Волошин родился 9 июля 1836 года. Учился Саша Кириенко-Волошин в знаменитой Первой Киевской гимназии, а затем с успехом окончил Университет святого Владимира. В 1859 году Александр начал юридическую карьеру в Киевской казённой палате, после чего служил в Житомире, Луцке, Одессе, затем опять в Киеве, Таганроге. В 1875 году Александр Максимович получил чин коллежского советника (что соответствовало воинскому званию полковника). К моменту рождения сына в 1877 году А.М. Кириенко-Волошин был членом Киевской палаты уголовного и гражданского суда [5]. Дед М.А. Волошина, являвшийся к тому же его крёстным отцом, Максим Яковлевич (1805-1892), в сорокасемилетнем возрасте был киевским городским казначеем, коллежским асессором, а в дальнейшем стал даже статским советником (что соответствовало званию генерала). Бабушка, Евпраксия (Евгения) Ивановна, была очень богатой помещицей, ей принадлежали большие земельные наделы и имения в Оренбургской, Полтавской и Черниговской губерниях. В связи с 30-летием литературной деятельности в 1925 году М.А. Волошин подготовил по просьбе одного издательства очередную автобиографию, в которой коснулся своих фамильных корней. Исследователи, базируясь на этой автобиографии и иных документальных источниках [3, 5, 6, 15], уточнили ряд деталей исторического прошлого волошинского рода. Так, отец матери Максимилиана Волошина (дед с материнской стороны), Оттобальд Андреевич (1809-1873) был инженером-подполковником, а его женой (бабушкой

поэта с материнской стороны) была Надежда Григорьевна (урождённая Зоммер, 1823-1908). Прадед Волошина по материнской линии был важным судебным деятелем (ратсгером и синдиком) в остзейском городе Валка Лифляндской губернии. Прадед в своё время участвовал в Итальянском походе с А.В. Суворовым (т.е. был военным), а прапрадед Зоммер был лейб-медиком, приехавшим в Россию из Германии в период царствования Анны Иоанновны. Дед Максимилиана Волошина по отцовской линии Максим Яковлевич, с которым Макс встретился в августе 1886 года, так толковал их фамилию: «Кириенко» происходит от греческого «господин», а «Волошин» - запорожское прозвище, обозначавшее «выходец из Италии». Запись об этом разговоре сделана Максом в письме к его учителю русского языка и словесности, любимому преподавателю Волошина в феодосийской гимназии Юрию Андреевичу Галабутскому (1863-1928) [6].

Следует отметить, что до конца XVIII века среди украинского казачества (от коего ведёт начало отцовская ветвь волошинского рода) не существовало фамилий в современном официально-юридическом значении, являвшихся родовым именем. К крёстному имени, как правило, добавлялись прозвища, складывавшиеся совершенно стихийно. Прозвища обычно характеризовали какие-то черты внешности, яркие особенности личности, его поведения или запомнившиеся обществом поступки. Принятый в казаки менял своё собственное имя на прозвище. По мнению Ивана Франко, «Запорожская Сечь была одной большой кузницей свежих прозвищ» [19]. Все прозвища имели большую роль в основании системы современных фамилий не только в Украине, но и в других соседних территориях.

В ономастике, разделе языкознания исследующем имена собственные, принято считать, что прозвище Волошин и производные от него Волошиненко, Волошенко, Волошинов и иные подобные происходят от этнонима «волох». Данный термин имеет кельтское происхождение и через германское посредничество получил большое распространение в славянских языках. В своём широком значении он расшифровывается как «чужеземец». В русском и украинском языках так называли чаще всего представителей романских народов – румын, молдаван и даже итальянцев. Наиболее распространено было применение термина «волох» к жителям Валахии – исторического региона между Карпатами и Дунаем, располагавшемся на территории современных Румынии и Молдовы. В II-III веках н.э. на данной земле находилась римская провинция Дакия. В IV-VI веках сюда проникали племена гуннов и аваров. К X веку, в результате контактов местного романизованного населения и славян, возникла народность «влахи» (по латинским и греческим источникам) или «волохи» (по славянским) – предки современных румын и молдаван. Эти народы принадлежат к романской группе языков. К началу XIV века на упомянутой территории формируется первое

государственное объединение, носившее название Цара Романьяска, позднее ставшая Валахией. С появлением османской угрозы началась миграция волохов в соседние страны. Как имя собственное, «Волошин» фиксируется в староукраинском языке с XIV-XV веков [5]. Есть исследовательские работы, согласно которым, Волошин является катойконимом (наименованием по месту проживания). Население Валахии было неоднородным по составу, поэтому Волошинами в украинских землях стали именовать не только представителей коренного этноса. Волошиным могли называть даже того, кто лишь однажды побывал в чужих краях. Хрестоматийный пример – слова слепого кобзаря из поэмы Тараса Шевченко «Гайдамаки»: « Да я и не волох, - так только: был когда-то в Валахии, а люди и зовут Волохом, сам не знаю за что» [20]. Таким образом, по отцовской линии предками Максимилиана Волошина были казаки из Запорожья, а по материнской – остзейские немцы, обрусевшие уже в XVIII веке. В начале 1925 года М. Волошин подготовил автобиографию, в которой уделит большое внимание собственным мировоззренческим взглядам [18]. Он в ней отмечает, что родился в Духов день, «когда земля – именинница» и подчёркивает: «... отсюда, вероятно, моя склонность к духовно-религиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах» [18].

Раннее детство Макса (так звали его близкие люди во все периоды жизни М.А. Волошина) прошло в Таганроге и Севастополе. Одним из самых первых незабываемых живописных впечатлений мальчика были развалины послевоенного Севастополя с большими деревьями, растущими прямо из середины разрушенных во время крымской войны домов. 9 октября 1881 года умер отец Макса – Александр Максимович, после чего Елена Оттобальдовна с сыном в декабре того же года переезжает в Москву, где поселяется в семье инженера путей сообщения О.П. Вяземского, в Ваганькове. В 1887 году Макс Волошин поступает в частную гимназию Л.И. Поливанова, которая находилась на Пречистенке (дом Пегова). В настоящее время – это улица Кропоткинская, № 32 в Москве. Гимназия эта знаменита тем, что в ней учились известный поэт В.Я. Брюсов и талантливейший писатель Андрей Белый (Б.Н. Бугаёв). Волошин впоследствии вспоминал: «В Поливановской гимназии (в Москве) читал товарищам свои стихи, очень ими одобряемые» [13]. Следует отметить, что у маленького Макса с самых ранних лет было великодушное чувство эстрады: ещё не умея читать, он любил декламировать, для этого всегда становился на стул. С пяти лет, научившись чтению, юный Макс увлекался книгами из материнской библиотеки, с этой поры его постоянными спутниками на всю жизнь становятся Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Достоевский, а чуть позже – Байрон и Эдгар По. В Поливановской, а затем в Первой казённой гимназии, находившейся на углу Волхонки и Пречистенского бульвара (ныне – улица Волхонка,

18, Институт русского языка РАН) Максимилиан Волошин учился до пятого класса.

В автобиографических заметках («По семилетью») М. Волошин пишет так о третьем семилетии своей жизни (1891-1898 гг.). «Мечтаю о юге и молось, чтобы стать поэтом. То и другое кажется немислимым. Но вскоре начинаю писать скверные стихи, и судьба неожиданно приводит меня в Коктебель (1893 г.)» [9]. Подчёркнём, что в ту пору Коктебель представлял собой небольшое селение (типа деревни) в Восточном Крыму, между Феодосией и Судакком, где тогда жили, в основном, болгары. Близ этой деревни в конце 80-х годов XIX века возник на берегу Чёрного моря курортный посёлок с таким же названием. Переезду Волошина с матерью в Коктебель способствовал их знакомый московский врач Павел Павлович фон Теш (1842-1908), также переселившийся в этот небольшой посёлок. Знакомство с доктором П.П. фон Тешем и его семьёй у Волошиных состоялось в 1890 году (в эту пору как раз Максимилиан и начал в тринадцать лет активно и осознанно писать стихи). В конце августа 1893 года Макс начинает посещать занятия в Феодосийской гимназии, где вскоре подружился с А.М. Пешковым – будущим известным учёным – языковедом. Следует особо отметить, что всю жизнь Максимилиана Волошина сопровождали великие, выдающиеся и просто известные люди, находившие в Волошине не просто замечательного собеседника и творческую личность, но и человека прекрасных душевных качеств, к которому тянулись все – и одарённые и обыкновенные, и гении и простолюдины. В Коктебеле, маленьком с малочисленным населением посёлке неподалёку от Феодосии, который стал для М.А. Волошина истинным пристанищем на всю оставшуюся жизнь, где до сих пор стоит знаменитый «Дом поэта», привлекающий тысячи поклонников со всего света, были написаны первые серьёзные стихотворные произведения, здесь были прожиты самые лучшие творческие годы, именно здесь и упокоен прах этого неординарного человека. В июне 2011 года нам посчастливилось посетить дом-музей Волошина и на месте подробно познакомиться с обителью гения, побеседовать с работниками музея и исследователями его творчества.

После окончания феодосийской гимназии Волошин в 1897 году поступает на юридический факультет Московского университета и уже в октябре (через несколько недель учёбы) узнаёт, что находится под надзором полиции. Практически через год занятий в университете Волошина исключают из вуза за участие в студенческих беспорядках и «агитацию» и высылают из Москвы в Феодосию. В конце февраля 1899 года Максимилиан вместе со своим другом, начинающим переводчиком М.П. Свободным, в Ялте посещает А.П. Чехова, встреча с которым на всю жизнь оставила в сердце и душе будущего поэта и художника неизгладимый след. В августе того же года М. Волошин вместе с матерью Еленой Оттобальдовной и дочерью врача

Павла Павловича Теша совершает своё первое заграничное путешествие в Италию и Швейцарию. С тех пор Европа становится для Макса любимым стремлением и жгучей целью. Он бывает в Париже, Кёльне, Берлине. В германской столице вольнослушателем Волошин посещает лекции в Берлинском университете, а также углублённо изучает немецкий язык – родной язык его предков с материнской стороны.

В 1900 году М.А. Волошина восстанавливают на втором курсе юридического факультета и он какое-то время продолжает учёбу в Московском университете. Летом 1900 года вместе с друзьями-студентами Макс совершает большое заграничное путешествие и посещает Австрию, Германию, Италию и Грецию. 21 августа Волошина арестовывают в Судаке и доставляют в московскую Басманную часть и через две недели выселяют из Москвы до особого распоряжения. В начале сентября из Севастополя вместе с другом семьи инженером В.А. Вяземским Максимилиан отправляется в Среднюю Азию на изыскание трассы проектируемой Оренбург-Ташкентской железной дороги. Молодому человеку пришлось в течение полутора месяцев перемещаться с караваном, выполнять обязанности заведующего полевым лагерем и вести пикетаж на прокладываемой в песках Кызыл-Кум трассе будущей стальной магистрали. В ноябре, вернувшись в Ташкент, Макс получает известие о том, что его дело «оставлено без последствий», поэтому он решает навсегда оставить университет, занявшись усердно самообразованием. В этот период Волошин увлечённо изучает философские произведения Владимира Соловьёва и Фридриха Ницше, оказавшие большое влияние на его мировоззрение.

Уже зимой 1901 года Волошин решает ехать в Париж для усиленных занятий литературой и искусством. В столице Франции Макс знакомится с художницей Е.С. Кругликовой, проводит незабвенные вечера в её мастерской и сам начинает рисовать. Он посещает лекции в Лувре, часто бывает в театрах. С группой художников отправляется в пешеходное путешествие по Испании, которое принесло ему много ярких впечатлений и оставило навсегда след в памяти. Осенью и зимой 1901-1902 года М.А. Волошин много занимается в Сорбонне и Высшей русской школе в Париже. В январе 1902 года в Высшей русской школе Максимилиану было поручено сделать публичное сообщение о творчестве Н.А. Некрасова и А.К. Толстого; этот фундаментальный, тщательно подготовленный доклад очень понравился многочисленным слушателям, убедительно продемонстрировав аудитории недооценённые таланты Волошина, в дальнейшем выдающегося анализатора творчества русских поэтов и искусного критика. Весной 1902 года Волошину приходит глубоко осознанное решение целиком посвятить себя искусству, живописи и литературе. С тех пор он встречается с большим количеством знаменитых творческих личностей, сведя короткое знакомство едва ли не со всеми известными писателями, художниками, мысли-

телями Европы, много путешествует по Италии и Корсике. Познакомившись с Агваном Доржиевым, Макс проявляет большой интерес к буддизму. На протяжении всей заграничной жизни Волошин из Парижа совершает краткие «набеги» в Петербург и Москву, близко сходясь с А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарем, С.П. Дягилевым, В.Я. Брюсовым, А.А. Блоком, В.А. Серовым, К.А. Сомовым, В. В. Розановым (знаменитыми художниками из «Мира искусства») и талантливейшими поэтами из окружения Вячеслава Иванова). Затем следует скоротечный брак с М.В. Сабашниковой, оставивший по себе в основном досадное недоумение, углублённые занятия теософией, работа российским корреспондентом во Франции, выход первых стихотворных книг, переводы французских поэтов, серия оригинальных статей по искусству.

Тесно общаясь с французскими литераторами, художниками и скульпторами в Париже, посещая музеи, церкви, мастерские деятелей искусства, Волошин сходитя с будущими Нобелевскими лауреатами, автором знаменитой пьесы «Синяя птица» бельгийским поэтом и писателем Морисом Метерлинком (1862-1949) и своим соотечественником профессором И.И. Мечниковым (1845-1916), авторов «Этюд о природе человека» и «Этюд оптимизма», а также с приехавшей в Европу танцовщицей Айседорой Дункан. В 1905 году в Берлине Максимилиан Волошин неоднократно встречается с Рудольфом Штейнером (1861-1925) – выдающимся немецким религиозным философом, основателем Антропософского общества. Четвертое семилетие жизни (1898-1905) М.А. Волошиным названо «Годы странствий», об этом периоде он сам так сказал: «В эти годы – я только впитывающая губка, я весь – глаза, весь – уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра... Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици... [7, 8]. Пятое семилетие (1905-1912) в волошинской автобиографии носит название «Блуждания» и охарактеризовано поэтом как этап блужданий духа: увлечения буддизмом, католичеством, магией, масонством, оккультизмом, теософией, работами Р.Штейнера и других антропософов.

В 1913 году публичная лекция М.А. Волошина об И.Е. Репине вызывает против Макса такую безудержную злостную травлю критиков, что все редакции газет и журналов для его статей закрываются, а книжные магазины объявляют бойкот его произведениям. Годы перед первой Мировой войной поэт проводит в коктейльском затворе, что даёт Волошину возможность более пристально сосредоточиться на живописи, заставив самого себя радикально переучиваться рисованию с самых азов, согласно более зрелому пониманию им искусства как такового.

Первая Мировая война застаёт Максимилиана в швейцарском Базеле, куда он приезжает трудиться на постройке Гётеанума (иначе – Иоганнес-Бау) – своего рода храма антропософов (со специальной сценой для постановки мисте-

рий). Работа была очень дружной, бок обок с представителями всех враждующих наций, практически в нескольких километрах от полей первых битв Европейской войны, что было замечательной школой человеческого и внешнеполитического отношения к уродливому явлению в жизни человечества – войне. В 1915 году в Париже поэт готовит книгу антивоенных стихов «Anno Mundi Ardentis» («В год пылающего мира»), которая выходит весной следующего года в издательстве «Зёрна» в Москве. Волошин заявляет себя убеждённым пацифистом, категорически отказываясь от военной службы, на которую его призывают, он пишет: «Тот, кто убеждён, что быть убитым лучше, чем убивать... не может быть солдатом» [13].

Возвратившись весной 1917 года в Крым, Максимилиан Волошин более уже не покидает его: ни от кого не спасаясь, никуда не эмигрируя, - все волны гражданской войны и череда смен правительств колеедоскопически проходит над его головой. Он попеременно спасает белых от красных и красных от белых, ежечасно подвергается риску быть схваченным и теми, и другими. В конце концов победившая советская власть налагает запрет на издание волошинских сочинений, лишая автора единственно возможного способа поддержки существования. В 20-х годах Волошин много работает акварелью, принимая участие в выставках «Мира искусства» и в выставке общества художников «Жар-цвет». Акварели его приобретаются Третьяковской галереей и многими провинциальными музеями. Центральная комиссия по улучшению быта учёных, учреждённая в 1921 году (ЦЕКУБУ), начинает выплачивать М.А. Волошину денежное жалование в – 60 рублей в месяц. Одним из главных принципов Макса был тот, что корень всех социальных зол лежит в институте заработной платы. Вот почему всё, что Волошин «производил», он раздавал и раздаривал совершенно безвозмездно друзьям и знакомым. Свой дом он превратил в бесплатный приют для писателей, художников и учёных.

Под конец своей недолгой жизни Волошин составляет завещание, но не распоряжается возможными доходами, а лишь мечтая о публикации того, что им было создано. Он пишет: «Вот в каком порядке мои стихи должны быть изданы:

Две книги лирики: «Годы странствий» (1900-1910), «Selva Oscura» (1910-1914)

Книги о войне: «Неопалимая Купина» (1914-1924) и «Путями Каина».

Далее им упоминаются французские авторы, переведённые Волошиным: Анна де Ренье, Верхарн, Вилье де Лиль Адан, Поль Клодель, Поль де Сен-Виктор. Из критических статей под названием «Лики творчества» вышел в свет при жизни Волошина, лишь первый том о Франции (в Санкт-Петербурге, в издательстве «Апполон», 1912 г), а остальные 4 тома, посвящённые театру, живописи, русской литературе, Парижу, остались при жизни автора неизданными.

Воля Максимилиана Волошина в полной

мере исполнилась лишь спустя много лет после его смерти. Сборники стихов талантливейшего поэта начинают издавать в конце 80-х годов XX столетия – спустя более полувека после кончины великого стихотворца, мыслителя, художника и культуролога. Срок, как пишут литературоведы, вполне достаточный, чтобы стереть культурную память не менее чем у двух поколений граждан любой страны. Почему такое могло случиться с в общем-то незлобивым, предельно честным, правдивым и открытым человеком, наделённым к тому же многочисленными недожинными талантами? Предполагается, что именно потому, что в этом человеке все качества естественно сосуществовали в органичном, беспримесном и бескомпромиссном состоянии, не дававшем возможность изменить самому себе ни в одну из минут испытаний и искушений многотрудной жизни.

Реконструируя основные вехи судьбы Максимилиана Волошина, восстанавливая его интеллектуально-психологический и эмоциональный портрет при опоре на его собственные высказывания, дневниковые записи, воспоминания современников, попытаемся ответить на этот вопрос последовательно, приняв во внимание предмет, цели и задачи нашей статьи.

Максимилиан Волошин, действительно, был могуче одарён от природы, и прежде всего – с ранних лет – неистощимой любознательностью, жгучим интересом к каждому из встреченных им людей, объективным фактам и обстоятельствам природы и жизни, всевозможным культурным феноменам. Все эти качества крайне важны и для медиков – лиц, помогающих страждущим. Необычайная жажда впечатлений в годы ученичества в гимназии даже мешала обучению Макса в жёстких рамках существовавших в то время образовательных правил и стандартов. В своих дневниковых записях Волошин признавался, что школьная программа казалась ему большим усилием над его умом; она по сути дела не допускала свободного полёта фантазии и сковывала креативные способности далеко не ординарного ученика. Вполне поэтому понятно, по какой причине талантливый и впечатлительный молодой человек, несмотря на свои незаурядные таланты и способности, имел довольно низкие оценки практически по всем школьным предметам.

Нелюбовь (а отчасти даже ненависть) к бывшей в то время в ходу образовательной системе послужила одной из причин того, что способный юноша почти сразу же оставил и занятия на юридическом факультете Московского университета. Истинной школой для Волошина стали «собственные университеты», избранные им по велению души и по глубокому искреннему призванию, - неустанное самообразование, интереснейшие познавательные путешествия по разным странам, знакомство с тысячами людей, жадное чтение и скрупулезные штудии трактатов и фолиантов в знаменитейших книгохранилищах Европы. Всё это вместе взятое способствовало тому, что Макс Волошин, настоящий

«гений самообразования» (так в своё время, кстати, называли и А.М. Горького) стал одним из самых образованнейших людей столетия, подлинным эрудитом, резко выделявшимся глубиной познаний даже среди утончённых «универсалов» серебряного века. Волошин всю свою жизнь неустанно стремился возбуждать интерес к знаниям в каждом из встреченных им людей, он с удовольствием читал лекции по самым разнообразным темам любой аудитории: как всегда художественных салонов так и молодым солдатам, набранным из вчерашних «тёмных» крестьян. Любимым его занятием было не декларированно излагать мысли, менторски навязывая своё мнение, а вызывать дискуссию, пробуждая интеллектуальные силы в слушателе. Волошин утверждал таким образом человеческое право – и своё собственное и оппонентов – на свободу мнений, на самые противоречивые и парадоксальные суждения.

Максимилиан Волошин совершенно не обращал никакого внимания на мнение о нём окружающих и, потрясая воображение обывателей Коктебеля, носил домотканый хитон, подпоясанный ремнём, ходил почти всегда босым, а роскошную шевелюру украшал кожаным обручем, напоминая кузнеца, ремесленника или мастера.

Такой свободной и независимой натурой Волошину помогли сделаться обстоятельства его жизни. С ранних детских лет Макс был освобожден от многих ограничений, буквально впитывая богатейшее разнообразие окружающей действительности и наслаждаясь им. Молодой человек никогда не был лимитирован узкими рамками одной – единственной национальности, что вполне понятно, так как его отец происходил из запорожских казаков, а мать – из обрусевших остзейских немцев. Как и во многих иных смешанных семьях, «национальный вопрос» естественным образом снимался сам собой. Прибыв в Коктебель, семья Волошина попала в условия культурной «полифонии», мощного национального многообразия. Испокон веку здесь мирно и дружелюбно сосуществовали греки, евреи, армяне, цыгане, болгары, татары, караимы, русские, а также итало-германская эмиграция. В подобных обстоятельствах совсем нетрудно было научиться толерантности; естественная терпимость буквально впитывалась Максом из киммерийского воздуха, ценившегося Волошиным больше всего на свете.

Основой основ его личности была непоколебимая верность раз и навсегда избранному принципу внутренней свободы. Испытанием этого принципа была уже упомянутая нами история с репинской картиной «Иван Грозный и его сын». «Когда несчастный Абрам Балашов исполосовал картину..., я написал статью «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина», - вспоминает Волошин. В этой искренней прочувствованной работе, он посчитал пострадавшим не Репина, а Балашова, поскольку произведения искусства, изображающие ужасное, сами способны спровоцировать их неадекватное воспри-

ятие. В XXI веке, в пору лавинообразного распространения сцен насилия в средствах массовой коммуникации, идея М.А. Волошина кажется не только здоровой, но и в высшей степени справедливой. Но в 1913 году общественное мнение было не на его стороне. За то, что он увидел в новоявленном Герострате несчастного человека, Волошина буквально заклеила пресса, приписывая ему... «непонимание принципов и основ реалистического искусства». В связи с тем, что авторитет Президента Академии художеств Ильи Репина был в ту пору несокрушим, всё происходящее вылилось в прямую ожесточённую травлю: абсолютно все издательства закрыли перед Волошиным двери и отказались печатать впредь его произведения. В двадцатые годы двадцатого века вновь произошло нечто подобное. Стоящего как бы «над схваткой» выдающегося поэта, творившего «поверх барьеров» совершенно нельзя было простить ни одной из враждующих сторон, участвующих в гражданской войне. Независимая позиция Волошина буквально подрывала основы и лишала морального алиби нестигаемых борцов за «правое дело». Цинизм властей оказался убийственным. Когда Волошин прочитал свои стихи одному из лидеров революции Каменеву, надеясь, что этот образованный человек по достоинству их оценит, то получил от власти предрешающих полнейший негатив. Принявший поэта внешне вполне радушно и гостеприимно, Каменев, как только за Максом закрылась дверь, лично позвонил во все издательства и дал категорический запрет на издание любых произведений Волошина. С той поры ни одно из советских издательств ни одной волошинской строчки не печатало вплоть до 80-х годов! Однако предел испытаниям в судьбе поэта ещё не настал – под конец многотрудной жизни уже глубоко больной Волошин вынужден был защищать из последних сил главное своё пристанище – дом в Коктебеле, который без его ведома и желания был отдан в аренду. Дело еле-еле утряслось, однако Волошин от этого стресса так уже и не оправился. Следует отметить, что Волошин страдал в течение многих лет бронхиальной астмой, повторными пневмониями, вследствие гормональных нарушений с детских лет у него была избыточная масса тела. Только волошинский «кодекс здоровья», исполняемые истово оздоровительные заповеди, помогавшие поэту оставаться в хорошей физической и творческой форме (многочасовые пешеходные прогулки на воздухе, купания в море, радостное живое общение) давали возможность Волошину практически всегда «оставаться на плаву».

Щедро одарённый природой, Максимилиан Волошин мог делать всё – настоящий мастер золотые руки. Подобно тому как в Николасе Чюрлёнисе (видном литовском деятеле культуры начала XX века) естественно сочетались оригинальный художник и великолепный композитор и музыкант, в Волошине натуральным образом соединились поэт и художник. В своё время мы неоднократно в Каунасе бывали в музее Чюрлё-

ниса, любовались его живописными работами и наслаждались оригинальными музыкальными произведениями, испытывая своего рода катарсис. Подобные ощущения у нас возникли и при посещении дома – музея М.А. Волошина в Коктебеле. Как видно из портретов и сохранившихся фотографий, Волошин был настоящим мастером, выглядев потомком какого-то племени крепышей, путешественников, творцов и художников. В нём было что-то основательное, прочное, надёжное, непоколебимое, исполинское. В этом человеке многие люди постоянно искали надёжной опоры. Волошин сводил, сочетал, образовывал гнёзда творцов и тружеников, искренне радовался человеческим встречам и горько сетовал по поводу невстреч. Максимилиан истово верил, что каждый человек от рождения является гением, что в нём могуче заложена неиссякаемая энергия животворящего солнечного светила.

Как поэт космических предчувствий, Волошин должен быть с благодарностью упомянут наукой, именуемой планетологией. «Живопись учила его видеть природу», – говорил знаменитый литератор Вячеслав Иванов. В 1904 году он так писал Волошину: «У вас глаз непосредственно соединён с языком. Вы какой-то говорящий глаз». У Волошина был также и абсолютный слух. Мелодика и ритмика его стиха естественным образом с системой его зрительных образов, звуковых восприятий, формирующих мыслеобразы.

Главной темой многочисленных акварельных рисунков Волошина было изображение воздуха, света, воды, расположение этих стихий по резонированным и резонирующим планам. В методе подхода к природе, изучении и передаче её Волошин был близок к воззрениям классических японских художников (Хокусаи, Утамаро), работы которых многие месяцы тщательно изучал в Париже в Национальной библиотеке. Цели живописца эти выдающиеся японские художники совершенно естественным образом сочетали с задачами исследователя – естествоведника. Волошин был глубоко убеждён, что «пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, то есть в пейзажах должна быть (по его мнению) такая грань горизонта, через которую хотелось бы перейти, должен ощущаться тот воздух, который хотелось бы вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие точки, по которым можно было бы взлететь на планере. В одной из своих автобиографий Волошин подчёркивает: «Вся первая половина моей жизни была посвящена большим пешеходным путешествиям, я обошел пешком всё побережье Средиземного моря, и теперь акварели мне заменяют пешеходные прогулки. Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть и за изменением лица которой я слежу ежедневно» [18]. Поэт и художник был горд тем, что первыми ценителями его акварельных работ явились геологи и планеристы, а его сонет «Полдень» даже был напечатан в Крымском журнале вино-

градарства, по инициативе редакции этого специально издание, что указывало на безукоризненную точность его наблюдений.

В конце июля 1932 года большой тяжелой бронхиальной астмой Волошин (современные аллергологи трактуют её как пожизненное хроническое воспалительное заболевание дыхательных путей, ассоциированное с различными структурными изменениями стенок, гиперреактивностью и обструкцией бронхов, которая купируется спонтанно или на фоне лечения) переносит респираторную инфекцию, затем тяжёлую пневмонию, от которых он уже не оправился. 11 августа 1932 года в 11 часов утра на 56 году жизни Волошин скончался. Похороны были назначены на 12 августа на 6 часов вечера. Лидия Аполлоновна Аренс (1889-1976) – мачеха писателя Всеволода Вишневского в воспоминаниях, хранящихся в Доме – музее Волошина, писала так: «Поставили гроб на телегу, запряженную одной лошастью. Все мы и масса народу из всех домов отдыха и вся деревня пошли огромной толпой на верх горы, где сам Максимилиан Александрович выбрал себе место для могилы. Лошадь не могла донести до самого верха горы, и тогда мужчины подняли гроб и понесли его и поставили у вырытой могилы. Солнце садилось и освещало лицо Максимилиана Александровича в гробу, и всех, кто стоял кругом, и всю огромную толпу, и чудесный вид оттуда. Все ждали, кто и что скажет или что будет. А прочитали всего два стихотворения, одно Волошина «Коктебель», а второе Баратынского «На смерть Гёте» [10].

У современного российского учёного Рудольфа Баландина есть книга, названная «Дни творения» [1]. В главе посвящённой физике, автор пишет: «В XX веке произошло явление, подмеченное великими физиками – Н.Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером, А. Эйнштейном, – но упущенное из вида их последователями. Дело в том, что достижения физиков стали опираться почти исключительно на сведения, полученные с помощью сложнейшей техники». Далее Р. Баландин подчёркивает: «Об этом хорошо сказал в 1920-е годы Максимилиан Волошин:

«Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Её пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье...
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия»

Известный исследователь пишет далее: «Вот именно – механику бытия (пусть даже и квантовую) нам раскрывает физика» [1].

Цитируемое произведение современного российского авторитетного учёного показывает, насколько актуален сегодня М.А. Волошин и его произведения для всех разделов науки (в том числе фундаментальной).

Великая актриса и довольно скандальная по характеру особа, язвительная дама с искромёт-

ным юмором и философ с сигаретой в зубах Фаина Георгиевна Раневская в книге, составленной по её воспоминаниям, писала о том, что если бы не Макс Волошин, то она и её семья не выжили бы в Крыму в годы гражданской войны [22]. «Сколько в этом человеке было неповторимой прелести!» - восклицала гениальная Раневская. «Я не встречала человека его знаний, его ума, какой-то нездешней доброты. Волошин был большим поэтом, чистым, добрым, большим человеком». Вот такие неожиданные две характеристики Волошина, принадлежащие учёному и актрисе.

В краткой заметке, посвящённой М.А. Волошину, помещённой в 5-м томе БСЭ (3-е изд.), отмечается: «Стремясь отгородиться от острой политической борьбы, Волошин в годы Гражданской войны пытался примирить враждующие стороны: спасая в своём доме красных от белых и белых от красных. Стихи этих лет отличаются трагизмом» [2].

Современное волошиноведение в XXI продолжает активно эволюционировать, многогранные аспекты жизнедеятельности и творчества М.А. Волошина отражены в многочисленных научных трудах, монографиях, различных многотомных изданиях, кинолентах. Поэту, его Дому и Коктебелю посвящены сотни воспоминаний, художественных и документальных произведений, концертных и телевизионных программ, материалов из сети Интернет и выставочных экспозиций. Однако неординарная личность Волошина настоятельно требует дальнейшего глубокого и всестороннего изучения, а главные книги о нём ещё пока не написаны и не изданы. Максимилиан Волошин был и остаётся одной из самых загадочных личностей и влиятельных фигур XX века, а его влияние на молодые умы будет прогрессивно возрастать.

Чему же может научить сегодняшних медиков приобщение к творчеству поэта и художника Максимилиана Волошина?

Давайте подумаем. В своё время крупнейший российский терапевт Г.А. Захарьин (1829-1897), проповедовавший гуманные идеи всестороннего восстановления здоровья пациента, ратовавший за рациональное, взвешенное сочетание воздействия лекарства и врачебного слова, писал так: «Равно избегая терапевтического нигилизма и увлечения лекарствами, следует ясно сознавать, что истинный, действительный, а не кажущийся только врачебный совет есть лишь тот, который основывается на полном осведомлении об образе жизни, а также на настоящем и прошлом состоянии больного и который заключает в себе не только план лечения, но и ознакомление больного с причинами поддерживающими его болезнь и коренящимися в его образе жизни ... словом разъяснение больному его индивидуальной гигиень» [4].

Вот этому – то и учат нас произведения Во-

лошина – кропотливому, вдумчивому, сочувственному отношению к «боль терпящим», стремлению утешить больного, помочь отыскать ему в самом себе силы сопротивления, противоборства с болезнью, вдохнуть в страждущего человека веру в исцеление. «... от начала всякого врачевания – подчёркивал Стефан Цвейг, - страждущее человечество исцелялось благодаря внушению гораздо чаще, чем мы предполагаем и чем склонна допускать врачебная наука. Мирская история доказывает, что не было ещё столь бессмысленного медицинского метода, который бы на некоторое время не принёс облегчения больному, уверовавшему в него, в этот метод. Наши деды и прадеды излечивались средствами, над которыми сострадательно посмеивается современная медицина, та самая медицина, методы которой наука предстоящих пятидесяти лет, в свою очередь, объявит с такою же улыбкою недействительными и, может даже быть, опасными. Ибо внушению принадлежит огромная, труднообразимая роль» [11].

Мы в очередной раз, знакомясь с выдающимися произведениями деятелей культуры, (в том числе и с вернувшимися к нам творениями М.А. Волошина) убеждаемся в том, что каждый медик никогда не должен забывать о том, что он, наряду с другими методами лечения, имеет в своем арсенале воздействие и исцеляющим словом, оптимизирующим мышлеобразом, т. е. психотерапевтический метод как таковой. Совершенно не случайно в средневековый период истории медицины врачи, окончившие университет, на портретах изображались, как правило, с цветком ландыша в своей исцеляющей руке. Именно так, например, живописец Тобиаш Штимер изобразил знаменитого астронома и врача Николая Коперника. Майский ландыш с его мягким седативным действием всегда являлся символом принадлежности к высшему медицинскому сословию. Этот символ во все времена свидетельствовал о первейшем долге врача – успокоить больного, отвлечь человека от болезненного синдрома и болезни в целом, полностью фиксируя его внимание на исцелении.

Арттерапия, библиолечение, исцеление с помощью предметов искусства должно в обязательном порядке использоваться думающим врачом. Произведения Волошина, рождающие простую человеческую жалость, нежность и сострадание к больному человеку, наполнены высшей мудростью и дают возможность в полной мере добиться важнейшей задачи врача – исцеления пациента.

Книги и картины Максимилиана Волошина, положенные на музыку и преобразованные кинематографом и телевидением многочисленные произведения его учат действенному гуманизму, неравнодушию, восхищению интеллектуальным потенциалом личности и гениальными творениями рук человеческих.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баландин Р.К. Дни творения / Р. К. Баландин. – М.: Вече, 2007. – 448 с.
2. БСЭ. – [3-е изд.]. – Т. 5. – М.: изд-во СЭ, 1971. – С. 331.

3. Данчин А. На берегу моря... (О доме-музее в Коктебеле) / А. Данчин // Нева. – 1963. – № 6. – С. 78-84.
4. Захарьин Г.А. Клинические лекции / Г.А. Захарьин. – Вып. 1-2. – [5-е изд.]. – М., 1985. – 486 с.
5. Комарова Е.В. Материалы Международных научно-практических конференций: XII, XIII, XIV Волошинские Чтения. – Ч. II, XII, XIII Волошинские чтения / Е.В. Комарова, И.В. Левичев, Н.М. Мирошниченко // Феодосия: Арт Лайф, 2009. – 382 с.
6. Комарова Е.В. Материалы Международных научно-практических конференций XII, XIII, XIV Волошинских Чтений. – Ч. I., XIV Волошинские чтения. Международная научно-практическая конференция «Все видеть, все помнить, все знать, все пережить...» / Е.В. Комарова, Н.М. Мирошниченко // Симферополь: АнтикВА, 2007. – 188 с.
7. Купченко В.П. Он был моим предком. – Ч.1. / В.П. Купченко // Феодосийский альбом. - № 76. – 19 ноября 1999. – С. 6-8.
8. Купченко В.П. Он был моим предком. – Ч.2. / В.П. Купченко // Феодосийский альбом. - № 77. – 17 декабря 1999. – С. 6-7.
9. Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества (1877 – 1916) / В.П. Купченко // СПб.:Алетейя, 2002. – 22 с.
10. Купченко В. П. Воспоминания о Максимилиане Волошине: сборник /В.П. Купченко, З.Д. Давыдов. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
11. Лихтенштейн Е. И. Помнить о больном. Пособие по медицинской деонтологии / Е.И. Лихтенштейн // Киев: Вища школа, 1978. – 176 с.
12. Лотман Ю.М. Семиосфера; Культура и Взрыв; Внутри мыслящих миров: статьи; исследования; заметки / Ю.М. Лотман // СПб., 2000. – 704 с.
13. Мирошниченко Н.М. Максимилиан Волошин. Любовь – вся моя жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное / Н.М. Мирошниченко – Симферополь: ДИАИПИ, 2008. – 368 с.
14. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – М.: Независимая газета, 1996. – 440 с.
15. Ничик Н.Н. Художественные возможности поэтического слова М. Волошина / Н.Н. Ничик // Научные и методические основы филологического образования в условиях многоязычия.: сб. трудов кафедры общей филологии Крымского гос. индустр. – пед. ин-та. – Киев, 1999. – С. 50-56.
16. Орлов В.Л. На рубеже двух эпох / В.Л. Орлов // Вопросы литературы. – 1966. – № 10. – С. 42-46.
17. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е.А. Селиванова. – Киев, 2004. – 286 с.
18. Фидлер Ф. Ф. Волошин М. А. Автобиография. Первые литературные шаги (Серия – автобиографии современных писателей) / Ф.Ф. Фидлер. – М., 1911. – 396 с.
19. Франко І.Я. Зібрання творів в 50 томах. – т. 36 / І. Я. Франко // Киев: Наукова думка, 1982. – 232 с.
20. Шевченко Т.Г. Гайдамаки: перевод А. Твардовского / Т.Г. Шевченко // Собрание сочинений в 5-ти томах. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1964. – 292 с.
21. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М.; Харьков, 2003. – 652 с.
22. Щеглов Д.А. Фаина Раневская: «Судьба - шлюха» / Д.А. Щеглов // М.: Астрель: АСТ, 2010. – 223 с.

Пересадин Н.А., Фролов В.М. Гуманистическое и воспитательно-деонтологическое значение творческого наследия и креативного потенциала личности Максимилиана Волошина для медиков и медицины // Украинський медичний альманах. – 2011. - Том 14, №4. – С. 122-130.

В статье описано гуманистическое и воспитательно-деонтологическое значение творческого наследия и креативного потенциала личности Максимилиана Волошина.

Ключевые слова: биография, М.А. Волошин.

Пересадин М.О., Фролов В.М. Гуманістичне та виховно-деонтологічне значення творчого спадку і креативного потенціалу особистості Максиміліана Волошина для медиків та медицини // Український медичний альманах. – 2011. - Том 14, №4. – С. 122-130.

В статті описане гуманістичне та виховно-деонтологічне значення творчого спадку і креативного потенціалу особистості Максиміліана Волошина.

Ключові слова: біографія, М.А. Волошин.

Peresadin N.A., Frolov V.M. Humanistic and vospitatelno-deontologicheskoe value of a creative heritage and creative potential of person Maksimiliana Voloshin for physicians and medicine // Український медичний альманах. – 2011. - Том 14, №4. – С. 122-130.

In article it is described humanistic and vospitatelno-deontologicheskoe value of a creative heritage and creative potential of person Maksimiliana Voloshin.

Key words: the biography, M.A. Voloshin.

Надійшла 12.06.2011 р.
Рецензент: проф. В.І.Лузін